

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ
И ОПЛАТА ТРУДА:
НЕМНОГО ПРОСТОЙ АРИФМЕТИКИ**

Препринт WP3/2014/01

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2014

УДК 331.215
ББК 65.245
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

К20 **Капелюшников, Р. И.** Производительность и оплата труда: немного простой арифметики [Текст] : препринт WP3/2014/01 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 40 с. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 150 экз.

Работа посвящена анализу соотношения между динамикой производительности труда и динамикой его оплаты в российской экономике и является продолжением более раннего исследования, строившегося на данных за 1997–2007 гг. В фокусе обсуждения – вопрос о том, какими в условиях кризиса 2008–2009 гг. и последующих лет были траектории изменения производительности и оплаты труда. Автор приходит к выводу, что расхожее представление об опережающем росте трудовых издержек по сравнению с ростом производительности имеет мало общего с реалиями современной российской экономики: никакого устойчивого соотношения здесь не наблюдалось, циклы относительного удешевления рабочей силы чередовались с циклами ее относительного удорожания. Однако преобладающей была тенденция к снижению удельных трудовых издержек. Расчеты показывают, что в 2011–2012 гг. рабочая сила обходилась российским предприятиям (в относительном выражении) дешевле, чем в середине 1990-х или в начале 2000-х годов.

УДК 331.215.3
ББК 65.245

Ключевые слова: производительность труда, заработная плата, удельные трудовые издержки, Россия

Kapeliushnikov, R. I. Labor productivity versus labor compensation: some simple arithmetic [Text] : Working paper WP3/2014/01 / R. I. Kapeliushnikov; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – 40 p. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”) (In Russian.) – 150 copies.

The paper analyses the “race” between wages and labor productivity in the contemporary Russian economy. It continues author’s previous research where the same problem was examined for the earlier period of 1997–2007. Discussion focuses on dynamics in labor productivity and labor compensation during the economic crises of 2008–2009 and subsequent years. Author shows that conventional wisdom implying that in Russia wages persistently increase at much higher annual rates than productivity is wrong: over 1997–2012 there was no stable relationship and waves of faster wage growth alternated with waves of faster productivity growth. However in the long run productivity outpaced labor compensation. As a result in 2011–2012 unit labor costs for the Russian firms were even lower than in the mid of 1990-s or in the beginning of 2000-s.

Keywords: productivity, wages, real unit labor cost, Russia

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Капелюшников Р. И., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Настоящие заметки являются продолжением более ранней работы, в которой проблема соотношения между темпами роста производительности труда и темпами роста его оплаты рассматривалась на примере российской экономики 1997–2007 гг.¹ В ней было показано, что широко распространенное представление об опережающей динамике трудовых издержек по отношению к динамике производительности труда является статистической иллюзией и что источником этой иллюзии служит некорректное использование официальных данных о реальной заработной плате.

«Лобовое» сопоставление этих данных с данными о производительности труда оказывается некорректным сразу по нескольким причинам. Во-первых, при таком подходе реальные величины заработной платы и валовой добавленной стоимости измеряются с использованием различных ценовых индексов: индекса потребительских цен в первом случае и дефлятора ВВП во втором. Однако когда нас интересует не покупательная способность заработков с точки зрения работников, а дороговизна рабочей силы с точки зрения предприятий (т.е. не «потребительская», а «производительская» заработная плата), дефлирование в обоих случаях должно производиться с использованием одного и того же ценового индикатора, а именно – дефлятора ВВП. Во-вторых, помимо прямых издержек, связанных с оплатой труда, предприятиям приходится нести и разнообразные косвенные издержки – в виде отчислений в социальные фонды и т.д. Публикуемые Росстатом индексы реальной заработной платы строятся без учета этих косвенных издержек и, следовательно, дают неадекватное представление о полных затратах предприятий на рабочую силу. В-третьих, эти оценки не учитывают также скрытых выплат работникам, которые в российских условиях традиционно были и продолжают оставаться очень значительными. В нашей работе было показано, что статистически корректный анализ на данных СНС опровергает тезис об опережающем росте оплаты труда по сравнению с ростом производительности в российской экономике. Хотя на коротких промежутках времени то один, то другой показатель мог уходить в «отрыв», общий рисунок их движения на протяжении всего рассмотренного периода был достаточно сходным.

---

¹ Капелюшников Р. Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии // Вопросы экономики. 2009. № 4.

К сожалению, это опровержение осталась практически незамеченным. Миф о непрерывно ухудшающемся соотношении между темпами прироста производительности труда и реальной заработной платы продолжал с завидной регулярностью воспроизводиться журналистами, академическими экономистами, бизнес-аналитиками, правительственными экспертами и даже представителями международных экономических организаций. В конце 2013 г. о «жизни не по средствам» и опасной эскалации заработной платы при удручающе низком уровне производительности труда заговорили высшие руководители государства (Захаров М. Зарплата о зарплате (<http://www.polit.ru/article/2013/10/04/salary/>)).

Поэтому имеет, по-видимому, смысл вновь вернуться к обсуждению этой проблемы, но уже с учетом нового опыта 2008–2012 гг. Вопрос о том, как в кризисных и посткризисных условиях повели себя показатели производительности и оплаты труда, представляет безусловный интерес. Однако на этот раз мы не будем подробно разбирать причины статистических иллюзий, устойчиво сохраняющихся в этой области (отсылаем заинтересованного читателя к нашей предыдущей работе), а ограничимся тем, что на основе общедоступных данных официальной статистики попытаемся еще раз оценить соотношение между динамикой оплаты труда и динамикой его производительности. Действительно ли между ними существует серьезный разрыв? Если да, то насколько он велик и устойчив? И что в результате этого расхождения происходило со стоимостью рабочей силы с точки зрения предприятий – становилась ли она с течением времени для них дороже в относительном выражении или же, напротив, дешевле?

Параллельно с мифом о стагнирующей производительности труда на фоне неуклонно дорожающей рабочей силы существует и пользуется широкой популярностью другое представление – об уникально низкой доле оплаты труда в ВВП, резко выделяющей, как утверждается, российскую экономику среди других экономик мира. Нетрудно убедиться, что два этих тезиса не могут быть верны одновременно: если оплата труда из года в год растет намного быстрее производительности, то тогда ее доля в ВВП должна непрерывно увеличиваться и рано или поздно достичь высокой отметки; если, напротив, удельный вес оплаты труда в ВВП остается устойчиво низким, то тогда никакое кратное превышение темпов ее прироста над темпами прироста производительности невозможно по определению. Впрочем, ничто не мешает этим утверждениям быть одновременно ложными. Поэтому дополнительно мы кратко рас-

смотрим также вопрос о том, как в свете межстрановых сопоставлений выглядят российские показатели доли оплаты труда в ВВП.

Динамика реальных удельных трудовых издержек в российской экономике

Для того, чтобы определить, какой из двух показателей – издержки на рабочую силу или производительность – лидирует, а какой отстает, не требуется никаких сложных вычислений. Для этого достаточно проследить, как менялась во времени доля оплаты труда в ВВП (или в валовой добавленной стоимости, если речь идет об отдельных видах экономической деятельности). В первом приближении это позволяет получить ответ на главный из интересующих нас вопросов. Очевидно, что здесь существует жесткая логическая связь: если доля оплаты труда повышается, то, значит, издержки на рабочую силу растут быстрее (снижаются медленнее) производительности; если доля оплаты труда сокращается, то, значит, они растут медленнее (снижаются быстрее) нее.

В экономической литературе этот показатель известен под названием *реальных удельных трудовых издержек* (real unit labor costs)². Он показывает, какой процент в стоимости единицы продукции (точнее – в одном долларе или одном рубле валовой добавленной стоимости) составляют затраты на рабочую силу. В формульной записи:

$$rulc = (W / P) : (Q / P) = (W / Q),$$

где *rulc* – реальные удельные трудовые издержки, (W/P) – фонд оплаты труда в реальном выражении, (Q/P) – физический объем ВВП, P – дефлятор ВВП. Из этого выражения видно, что величину реальных удельных трудовых издержек можно легко оценить, разделив номинальный фонд оплаты труда (W) на номинальный объем ВВП (Q).

В табл. 1 представлена динамика реальных удельных трудовых издержек в российской экономике на протяжении 1997–2012 гг. по данным

---

² Существуют и используются два альтернативных показателя удельных трудовых издержек – «реальный» (определяется как отношение *реального* фонда оплаты труда к *реальному* выпуску) и «номинальный» (определяется как отношение *номинального* фонда оплаты труда к *реальному* выпуску). Поскольку нас интересует вопрос о соотношении между ростом производительности труда и ростом реальных заработков, мы будем пользоваться первым из них. (Заметим в скобках, что показатель номинальных удельных трудовых издержек предназначен для решения других задач – прежде всего для измерения инфляционного давления, связанного с эскалацией заработной платы под влиянием политики профсоюзов, нехватки рабочей силы и других аналогичных причин.)

СНС. Оценки приводятся в трех альтернативных вариантах: в первом случае – это общая доля оплаты труда в ВВП (включая скрытую оплату); во втором – это доля официальной оплаты труда в ВВП (за вычетом скрытой оплаты, но с включением отчислений на социальное страхование работников); в третьем – это доля официальной заработной платы в ВВП (за вычетом как скрытой оплаты, так и отчислений в социальные фонды).

Данные о динамике общей доли оплаты труда в ВВП (первый столбец) позволяют сделать несколько важных выводов. Первый: в движении *rulc* мы не наблюдаем никакого устойчивого долговременного тренда. В начале рассматриваемого периода он равнялся 51,3%, в конце оставался примерно таким же – 50,4%. Как следствие, говорить о каком-либо устойчивом отставании динамики производительности от динамики реальной оплаты труда не представляется возможным, поскольку кумулятивные приросты обеих этих переменных в период 1997–2012 гг. практически совпадали. Это предполагает, что в 2012 г. в относительном выражении (в единицах выпускаемой продукции) рабочая сила обходилась российским предприятиям не дороже (даже несколько дешевле), чем в 1997 г.

Второй: в российских условиях доля оплаты труда в ВВП подвержена частым и достаточно сильным краткосрочным колебаниям. На протяжении шести из пятнадцати анализируемых лет она снижалась, на протяжении девяти – повышалась, причем во многих случаях очень значительно (на 5–8 п.п.). Средняя величина годового снижения составляла 3 п.п. ВВП, средняя величина годового прироста 2 п.п.

Третий: в динамике показателя *rulc* просматривается несколько волн повышения и понижения. Финансовый кризис 1998 г. спровоцировал резкое и практически одномоментное удешевление рабочей силы, которое привело к падению доли оплаты труда в ВВП в 1998–1999 гг. на гигантскую величину – свыше 11 п.п. В период так называемого восстановительного роста в условиях возросшей конкуренции между предприятиями на рынке труда началась постепенная компенсация этого глубокого провала. Тем не менее полной компенсации так и не произошло: даже в 2003 г. рабочая сила все еще обходилась российским предприятиям значительно дешевле (в относительном выражении), чем это было в исходном 1997 г. В 2004–2005 гг. доля оплаты труда в ВВП сильно «просела» вновь, что было связано с действием двух основных факторов. Это, во-первых, «взрывное» повышение мировых цен на основные статьи российского экспорта и, во-вторых, резкое снижение отчислений на социальное страхование работников вследствие налоговой реформы 2005 г.

В последующие годы показатель *rulc* возобновляет движение вверх, но вплоть до кризисного 2009 г. продолжает оставаться значительно ниже уровня, исходно наблюдавшегося в 1997 г. В 2009 г. фиксируется мощный скачок, в результате которого доля оплаты труда в ВВП одноmomentно выросла более чем на 5 п.п., достигнув рекордного значения за весь рассматриваемый период – 52,6%. В первые посткризисные годы она, напротив, начинает сползать вниз, что свидетельствует о новом туре относительного удешевления рабочей силы. В 2012 г. примерно половина ВВП приходилась на оплату труда, что было ниже показателя 1997 г., но выше показателя 2008 г.³

Четвертый: проциклическая динамика в поведении показателя *rulc*, характерная для 1990-х годов, сменилась в 2000-е годы контрциклической. Мы уже упоминали о его глубоком провале после экономических потрясений 1998 г. и быстром восстановлении в период подъема 2000–2003 гг. Обратную картину дает последний экономический кризис: сильнейший скачок в 2009 г. с последующим постепенным снижением в 2010–2011 гг. Если проциклическую динамику *rulc* можно считать типичной для переходных, то контрциклическую – для зрелых рыночных экономик. Как показывает опыт, в развитых странах рецессии чаще всего сопровождаются увеличением доли оплаты труда в ВВП (во всяком случае, на начальных ее фазах), что принято объяснять негибкостью заработной платы (реальной или номинальной) в сторону понижения. В России в кризисном 2009 г. мы видели, как государство, с одной стороны, противодействовало попыткам предприятий частного сектора по снижению заработной платы, а с другой, предпринимало шаги по ее резкому повышению в бюджетном секторе. Это дает основания говорить об определенной «нормализации» циклического движения *rulc* в российских условиях вследствие возросшей негибкости заработной платы.

Динамика *rulc* может искажаться включением в состав полных издержек на рабочую силу скрытой оплаты, оценки которой строятся на доплатах и поэтому носят во многом условный характер. При исключении этого элемента доля оплаты труда в ВВП (второй столбец в табл. 1) становится меньше на 10–15 п.п. Причем в этом случае оказывается, что даже в кризисном 2009 г. она не достигала отметки, на которой находилась в начале рассматриваемого периода. Иными словами, с точки зре-

---

³ Согласно предварительным оценкам Росстата, в 2013 г. доля оплаты труда в ВВП вновь пошла вверх: ее прирост за первые три квартала этого года по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. составил 2,1 п.п.

ния официальной оплаты на протяжении всех 2000-х годов рабочая сила обходилась российским предприятиям дешевле (в относительном выражении), чем это было в исходном 1997 г.

Последний столбец в табл. 1 отражает долю в ВВП официальной заработной платы (без отчислений на социальное страхование работников). Из этих данных видно, что поддержание сравнительной дешевизны российской рабочей силы было во многом обеспечено снижением отчислений предприятий в социальные фонды. Так, если в начале рассматриваемого периода на такие отчисления приходилось почти 12% ВВП, то в конце – менее 8%. Если бы не это, то затраты предприятий на рабочую силу были бы сейчас заметно выше (в относительном выражении), чем в исходном 1997 г.

Все представленные в табл. 1 показатели рассчитывались по отношению к ВВП в рыночных ценах. Интерес представляют также аналогичные показатели, но рассчитанные по отношению к ВВП в основных ценах. Это связано с тем, что для получения оценок по отдельным секторам (к которым мы перейдем позднее) используются данные о валовой добавленной стоимости в основных ценах. Оценки ВВП в рыночных ценах отличаются от его оценок в основных ценах на сальдо налогов и субсидий на продукты. За рассматриваемый период доля этого компонента в ВВП увеличилась с 9% до почти 15%.

В результате при переходе от оценок ВВП в рыночных ценах к его оценкам в основных ценах динамика *rulc* становится несколько иной. Так, начиная с 2009 г. общая доля оплаты труда оказывается в таком случае устойчиво выше, чем в исходном 1997 г. (57,5–60,5% против 56,5%). Однако такое соотношение наблюдается только для полных трудовых издержек, т.е. при включении в их состав скрытых выплат. Если же говорить об официальной оплате труда, то ее доля по отношению к ВВП в основных ценах в конце рассматриваемого периода продолжала оставаться ниже (на 1–3 п.п.), чем в его начале.

Оценки *rulc*, рассчитываемые по отношению ко всему ВВП, могут давать смещенное и неточное представление о динамике этого показателя. Поскольку они строятся для всей экономики в целом, то включают не только корпоративный сектор, но также сектор государственного управления и сектор домашних хозяйств. Но услуги, оказываемые государством, не получают рыночной оценки и фактически учитываются в рамках СНС по затратам. Что касается сектора домашних хозяйств, то его участники получают вознаграждение в виде смешанных доходов, деле-

ние которых на доходы от труда и доходы от капитала производится методом вменения, что делает такие оценки достаточно условными.

Поэтому более точное представление о динамике *rulc* могут давать оценки, рассчитываемые исключительно для корпоративного сектора, для которого таких измерительных проблем не возникает. Результаты расчета для него представлены в табл. 3. Мы видим, что в корпоративном секторе российской экономики на протяжении последних полутора десятков лет также отмечалось снижение удельных трудовых издержек. В целом эти оценки оказываются очень близки к оценкам, которые мы получаем при использовании данных о ВВП в основных ценах (они также представлены в табл. 3). Это означает, что в российском случае те возможные погрешности, о которых мы упоминали, скорее всего, не являются критическими.

Изменения в показателе *rulc* могут происходить под действием двух факторов: во-первых, за счет сдвигов в секторальной структуре экономики в пользу более или, наоборот, менее трудоемких видов экономической деятельности и, во-вторых, за счет уменьшения или увеличения доли оплаты труда внутри отдельных секторов. В случае России вклад этих факторов оказывается примерно одинаковым. Наш расчет с использованием данных об официальной оплате труда показывает, что изменения в уровне удельных трудовых издержек, имевшие место в период 2002–2012 гг., были примерно на 45% обусловлены сдвигами в секторальной структуре экономики и примерно на 55% сдвигами в структуре распределения первичных доходов внутри отдельных секторов.

Динамика реальных удельных трудовых издержек в промышленности

Как мы уже упоминали, любая современная экономика включает в себя обширный общественный сектор, выпуск которого (output) плохо поддается рыночной оценке и фактически измеряется по произведенным затратам (input). По этой причине оценки, относящиеся не ко всей экономике, а к более узким агрегатам, в частности – к промышленности, являются и более надежными и более информативными.

Но прежде чем переходить к их обсуждению, необходимо сделать несколько методологических пояснений. Во-первых, следует напомнить, что в середине 2000-х годов российская статистика перешла от использования Общероссийского классификатора отраслей народного хозяйства

(ОКОНХ) к использованию Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД). Показатели валовой добавленной стоимости (ВДС) промышленности по ОКОНХ доступны за 1997–2004 гг., по ОКВЭД – за 2002–2012 гг. Но поскольку наборы отраслей, относимых к промышленности в рамках ОКОНХ и ОКВЭД, отличаются, данные за более ранние и за более поздние годы оказываются не полностью сопоставимыми. В качестве пограничного мы выбрали 2002 г., для которого все оценки рассчитывались как в варианте ОКОНХ, так и в варианте ОКВЭД. Их сравнение показывает, что переход от ОКОНХ к ОКВЭД привел к повышению доли оплаты труда в валовой добавленной стоимости (ВДС) промышленности примерно на 4 п.п. (Об этом расхождении следует помнить, сравнивая показатели для начала и для конца рассматриваемого нами периода.)

Во-вторых, нужно иметь в виду, что Росстат не оценивает масштабы скрытой оплаты труда в разрезе отдельных секторов. В то же время для периода 2002–2012 гг. мы располагаем оценками валовой добавленной стоимости по отдельным секторам для экономических операций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. Согласно имеющимся оценкам, в промышленности (главным образом – в обрабатывающих производствах) ненаблюдаемые экономические операции достаточно широко распространены и в разные годы на их долю приходилось порядка 1,5–2,5% ВВП. Исходя из этих данных мы можем оценить объем скрытой оплаты труда в промышленности, умножив общую сумму скрытой оплаты труда во всей экономике на долю, которую во всем массиве ненаблюдаемых экономических операций составляли подобные операции, осуществлявшиеся промышленными предприятиями. Для 1997–2001 гг., для которых Росстат не публикует данных о масштабе ненаблюдаемых экономических операций по отдельным секторам, мы пользовались оценками, относящимися к 2002 г.

В-третьих, дополнительное осложнение связано с тем, что данные об отчислениях на социальное страхование работников также приводятся в публикациях Росстата только в агрегированном виде для всей экономики в целом. Объем таких отчислений в промышленности определялся нами методом вменения исходя из соотношения между фондом официальной оплаты труда в промышленности и фондом официальной оплаты труда во всей экономике.

Полученные с использованием описанной методики оценки *rulc* для промышленности, аналогичные обсуждавшимся выше оценкам для всей

экономики, представлены в табл. 4. В случае промышленности мы сталкиваемся с еще более неожиданной ситуацией. Во-первых, в ней удельные трудовые издержки, как можно видеть, удерживались на протяжении всего периода 1997–2012 гг. на гораздо более низкой отметке, чем во всей экономике, причем со временем этот разрыв только нарастал. Во-вторых, в конце рассматриваемого периода они были значительно (примерно на 10 п.п.) ниже, чем в его начале. Даже в кризисном 2009 г. рабочая сила обходилась промышленным предприятиям намного дешевле (в относительном выражении), чем в принятом нами за точку отсчета 1997 г. В-третьих, пик «дороговизны» рабочей силы в российской промышленности пришелся на 2003 г., а не на 2009 г., как это было характерно для всей российской экономики. В-четвертых, в промышленности колебания в показателе *rulc* оказываются еще сильнее, чем во всей экономике. Переломными в этом отношении можно считать 2004–2005 гг., когда доля оплаты труда в ВДС промышленности «провалилась» сначала примерно на 10 п.п., а затем еще примерно на 5 п.п. Как уже упоминалось, связано это было, во-первых, со взлетом мировых цен на основные статьи российского экспорта и, во-вторых, с резким сокращением отчислений на социальное страхование работников при переходе на единый социальный налог. И хотя в последующие годы удельные трудовые издержки в промышленности начали постепенно подрастать, этого роста все равно оказалось недостаточно, чтобы компенсировать столь глубокий провал.

Показатели для официальной оплаты труда (без скрытых выплат) и для официальной заработной платы (без отчислений на социальное страхование работников) демонстрируют практически те же тренды, что и показатель общей доли оплаты труда в ВДС промышленности. Поразительно, но из этих оценок следует, что в 2011–2012 гг. затраты предприятий на официальную оплату труда находились (в относительном выражении) на самом низком уровне за весь период наблюдений! (Напомним, что производя такие сравнения, показатели последних лет следует корректировать с учетом перехода от ОКОНХ к ОКВЭД.) Так, согласно этим оценкам, из каждого рубля добавленной стоимости, созданной в промышленности, на выплату официальной заработной платы в эти годы уходило чуть более 20 копеек, а на выплату официальной заработной платы вместе с отчислениями в социальные фонды – чуть более 25 копеек. Никогда раньше российские промышленные предприятия не находились в данном отношении в столь благоприятном для себя положении. В названные годы рабочая сила обходилась им (в относительном выра-

жении) примерно в полтора раза дешевле (если не учитывать скрытые выплаты), чем в 1997 или 2003 г.

Итак, если применительно ко всей российской экономике мы можем говорить о примерной стабильности реальных удельных трудовых издержек, то применительно к российской промышленности – об их резком сокращении.

Секторальная динамика реальных удельных трудовых издержек

Конечно, нельзя исключить, что оценки, представленные в предыдущем разделе, дают искаженное представление о состоянии дел во *всей* российской промышленности. По ОКВЭД в ее состав включаются три сектора – добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Вполне возможно, что, например, в первом из этих секторов вследствие исключительно благоприятной конъюнктуры на мировых рынках стоимость рабочей силы, измеренная в единицах выпускаемой продукции, действительно быстро снижалась, однако в двух других затраты на оплату труда росли намного быстрее производительности, так что им приходилось сталкиваться не с падающими, а с растущими удельными трудовыми издержками.

Чтобы проверить это предположение, мы дополнительно оценили показатель *rulc* отдельно для трех указанных секторов за период 2002–2012 гг. (Как уже упоминалось, данные за более ранние годы по видам экономической деятельности в рамках ОКВЭД недоступны.) Расчет производился по той же схеме, что для промышленности в целом. Полученные оценки представлены в табл. 5.

Из них следует, что масштабы относительного удешевления рабочей силы в добывающих производствах были просто фантастическими: общая доля оплаты труда в ВДС этого сектора сократилась более чем в два с половиной раза – с 37,5% в 2002 г. до 14,3% в 2012 г. Это предполагает, что на протяжении большей части этого периода темпы прироста производительности намного превосходили здесь темпы прироста издержек на рабочую силу. Переломными вновь оказываются 2004 и 2005 г., когда показатель *rulc* сократился сначала на 14 п.п., а затем еще на 6 п.п. В годы, предшествующие последнему экономическому кризису, он демонстрировал тенденцию к постепенному росту, однако в посткризисный период вновь пошел резко вниз. Столь «дешевой» (в относительном выражении)

рабочей силой, как в 2011–2012 гг., российская добывающая промышленность не располагала никогда.

Поскольку согласно оценкам Росстата, ненаблюдаемая экономическая деятельность в добыче полезных ископаемых практически отсутствует, для большинства лет значения *rulc* с учетом скрытой оплаты труда и без ее учета совпадают. Что же касается выплат в социальные фонды, то, как следует из табл. 5, их доля в ВДС добывающих производств также сократилась за рассматриваемый период почти втрое – с 9,4% в 2002 г. до 3,2% в 2011 г.

Обращаясь к обрабатывающим отраслям, мы видим сходную, хотя и не столь драматическую картину. Общая доля оплаты труда в ВДС этого сектора сократилась с 56,8% в начале рассматриваемого периода до 50,9% в его конце. Сокращение доли официальной оплаты труда было еще более сильным: с 49% в 2002 г. до 38% в 2012 г. Иными словами, в настоящее время предприятия обрабатывающих производств «официально» тратят на оплату рабочей силы примерно на четверть меньше, чем в начале 2000-х годов. Частично это было связано с существенным сокращением отчислений на социальное страхование работников: если в 2002 г. у предприятий обрабатывающих производств на это уходило почти 13% из всей суммы валовой добавленной стоимости, то в 2012 г. – только 8%.

Единственным сектором промышленности, в котором явно выраженного тренда к относительному удешевлению рабочей силы не наблюдалось, были производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Хотя определенное снижение отмечалось и здесь: если в 2002 г. предприятия этого сектора из каждого рубля валовой добавленной стоимости тратили на оплату труда более 50 копеек, то в 2012 г. – 48 копеек. Таким образом, небольшая экономия все же имела место. Основное отличие динамики показателя *rulc* в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды от его динамики в добывающих и обрабатывающих производствах оказывается связано с тем, что в кризисном 2009 г. доля оплаты труда в ВДС этого сектора упала (почти на 8 п.п.). В двух других секторах ситуация, как мы видели, была обратной.

Итак, во всех секторах российской промышленности в 2002–2012 гг. наблюдалось удешевление рабочей силы, если измерять ее стоимость в единицах производимой предприятиями продукции: сверхактивное – в добыче полезных ископаемых; весьма ощутимое – в обрабатывающих производствах; слабое, но все же заметное – в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Это предполагает, что на протяжении

рассматриваемого десятилетия во всех этих секторах производительность росла быстрее, чем реальная заработная плата. Таким образом, тезис о некоем фатальном отставании динамики производительности труда от динамики его оплаты повисает в воздухе и при ближайшем рассмотрении оказывается мифом.

Отраслевая динамика реальных удельных трудовых издержек

При переходе на более высокий уровень дезагрегирования по отдельным видам экономической деятельности мы получаем сходные результаты. В публикациях Росстата данные в такой детализированной разработке доступны только с 2003 г. Мы ограничимся обсуждением одного показателя – доли официальной оплаты труда в ВДС. Ее оценки для граничных лет – 2003 и 2012 гг. – по отдельным видам экономической деятельности представлены в табл. 6.

Эти оценки рисуют картину тотального удешевления рабочей силы (в относительном выражении) практически во всех сегментах российской промышленности. Действительно, в секторе добычи полезных ископаемых увеличение доли оплаты труда в ВДС в период 2003–2012 гг. наблюдалось лишь в одном виде экономической деятельности (добыча урана); в секторе обрабатывающих производств – в двух (издательское дело и производство мебели); в секторе производства и распределения электроэнергии, газа и воды – в одном (производство и распределение тепловой энергии). Во всех остальных она уменьшилась, причем в большинстве случаев очень значительно. Например, в добыче угля и добыче нефти и газа уровень удельных трудовых издержек упал более чем на 60 (!) п.п.; в текстильном производстве, производстве изделий из кожи, химическом производстве и производстве офисного оборудования – на 30–40 п.п.; в добыче металлических руд и производстве нефтепродуктов – примерно на 25 п.п. Отметим, что существенно (почти на 15 п.п.) они сократились также в таких ключевых подсекторах сектора обрабатывающих производств как производство машин и оборудования и производство автомобилей. Поразительные результаты мы получаем для группы отраслей, которые можно объединить под общей рубрикой «машиностроение» (виды экономической деятельности 29–33). В докризисный период показатель *rulc* колебался здесь в районе 65–70%, в кризисном 2009 г. подскочил до 75%, но в посткризисный период «провалился» на 15 п.п. до самого низкого за все 2000-е годы уровня – 60%.

Как видим, тренд к относительному удешевлению рабочей силы не ограничивался каким-то сравнительно небольшим набором отраслей. Он носил фактически универсальный характер, захватывая подавляющее большинство различных сегментов российской промышленности.

Разность между темпами роста реальной оплаты труда и производительности

Данные о доле оплаты труда в ВВП позволяют не только судить о сравнительной динамике заработков и производительности в терминах быстрее/медленнее, но и получать точные количественные оценки соотношения между годовыми темпами их роста. В самом деле, для того, чтобы установить, во сколько раз первый из этих показателей рос быстрее или медленнее второго, индекс реальной оплаты труда (I_{rw}) следует поделить на индекс производительности (I_{pr}). Тогда имеем:

$$\frac{I_{rw}}{I_{pr}} = (wr_1 / wr_0) : (pr_1 / pr_0) = [(W_1 / E_1) / P : (W_0 / E_0)] : [(Q_1 / E_1) / P : (Q_0 / E_0)] = [(W_1 / E_1) / P] : (Q_1 / E_1) / P : [(W_0 / E_0) : (Q_0 / E_0)] = (W_1 / Q_1) : (W_0 / Q_0) = rulc_1 / rulc_0,$$

где wr – уровень реальной заработной платы, pr – уровень производительности труда (валовая добавленная стоимость на одного занятого в постоянных ценах), W – номинальный фонд оплаты труда, Q – номинальный ВВП, E – численность занятых, P – дефлятор ВВП. Как следует из этого выражения, соотнеся доли оплаты труда в ВВП в текущем и в исходном периодах ($rulc_1 / rulc_0$), мы получаем точную оценку того, во сколько раз рост реальной оплаты труда обгонял рост производительности труда или во сколько раз он от него отставал. Эта операция может быть легко проведена с оценками, представленными в табл. 1–6.

Однако для целей сравнительного анализа чаще используется другой показатель – не соотношение между темпами роста реальной оплаты труда и темпами роста производительности, а разность между ними (т.е. $I_{rw} - I_{pr}$). Ниже мы попробуем показать, что в первом приближении и этот показатель можно оценивать с достаточно высокой степенью точности, оперируя только данными о доле оплаты труда в ВВП без привлечения данных об изменении численности занятых, движении цен и т.д. С точки зрения «срочной диагностики» подобный упрощенный подход имеет преимущества, поскольку позволяет не ожидать публикации всех данных, которые необходимы для полностью корректного расчета.

Действительно, разность между темпами роста реальной оплаты труда и темпами роста производительности может быть представлена следующим образом:

$$I_{rw} - I_{pr} = I_w / (I_e \times P) - I_q / (I_e \times P) = [(W_0 + \Delta W) / W_0 : (I_e \times P)] - [(Q_0 + \Delta Q) / Q_0 : (I_e \times P)] = (\Delta W \times Q_0 - \Delta Q \times W_0) / (W_0 \times Q_0),$$

где I_w – индекс номинального фонда оплаты труда, I_e – индекс занятости, I_q – индекс номинального ВВП.

Для темпа изменения доли оплаты труда в ВВП мы можем записать:

$$(\Delta r_{ulc} / r_{ulc}_0) = [(W_0 + \Delta W) / (Q_0 + \Delta Q) - (W_0 / Q_0)] : (W_0 / Q_0) = (\Delta W \times Q_0 - \Delta Q \times W_0) / [W_0 \times (Q_0 + \Delta Q)].$$

Как видим, числители в этих выражениях совпадают, а знаменатели отличаются только тем, что в первом присутствует номинальный ВВП за начальный (Q_0), а во втором – номинальный ВВП за текущий период ($Q_0 + \Delta Q$). Отсюда следует, что в тех случаях, когда темпы роста номинального ВВП относительно невелики, мы будем получать практически совпадающие оценки при использовании обеих схем расчета.

В табл. 7 для разности между годовыми темпами роста реальной оплаты труда и производительности мы приводим два ряда оценок: первый, полученный «корректным» методом (с привлечением данных об изменении номинального ВВП, номинального фонда оплаты труда, численности занятых и дефляторе ВВП), и второй, полученный «упрощенным» методом (с использованием данных только о доле оплаты труда в ВВП). Мы видим, что в подавляющем большинстве случаев «огрубленные» оценки почти не отличаются от «точных». Для простоты наше последующее обсуждение будет строиться именно на таких приближенных оценках.

Обратимся сначала к результатам для всей экономики (рис. 1). Мы видим, что в 1997–2012 гг. разность между темпами роста реальной оплаты труда и темпами роста его производительности колебалась в очень широком диапазоне. В некоторые годы производительность сильно «отрывалась» от оплаты труда (иногда более чем на 20 п.п.), в другие шла с заметным отставанием (иногда на 10 п.п. и более). Наиболее благоприятное соотношение между динамикой производительности и динамикой оплаты труда складывалось в 1998–1999, 2004–2005 и 2010 г., наименее благоприятное – в 2001–2002 и 2007–2009 гг. Для 2012 г. также обнаруживается небольшое превышение темпов роста оплаты труда над тем-

пами роста производительности⁴. Но в целом какого-либо явного преимущества в пользу того или другого показателя мы не наблюдаем.

Сходная картина вырисовывается для промышленности с той только разницей, что, во-первых, размах колебаний оказывается здесь значительно шире и что, во-вторых, ситуация с точки зрения предприятий выглядит намного благоприятнее (рис. 2). Например, если для всей экономики «отрыв» производительности от оплаты труда в посткризисные 2010–2011 гг. составлял не более 5–6 п.п., то для промышленности доходил до 9–10 п.п. Кроме того, в 2012 г. здесь не отмечалось никаких, пусть даже слабых признаков относительного удорожания рабочей силы.

Более дифференцированную картину дают оценки по отдельным секторам – добычи полезных ископаемых; обрабатывающих производств; производства и распределения электроэнергии, газа и воды (рис. 3–5). Из них с очевидностью следует, что главным бенефициаром от расхождений между темпами роста производительности и оплаты труда выступали добывающие производства. В отдельные годы рабочая сила дешевела в них с точки зрения предприятий на фантастическую величину – 30–40%. Некоторое удорожание наблюдалось здесь в 2007–2009 гг., но затем оно было полностью перекрыто новым снижением относительной стоимости рабочей силы в 2010–2012 гг., когда «отрыв» производительности от оплаты труда доходил до 17 п.п.

Сходная динамика прослеживается для обрабатывающих производств, хотя здесь таких драматических «провалов», как в добыче полезных ископаемых, мы не обнаруживаем. Из представленных оценок видно также, что по обрабатывающим отраслям экономический кризис 2008–2009 гг. «ударил» гораздо сильнее, чем по добывающим. Если в первых «отставание» производительности от оплаты труда достигало в кризисные годы 15–17 п.п., то во вторых не превышало 10 п.п. Кроме того, посткризисная компенсация, когда рост производительности начал вновь обгонять рост оплаты труда, была здесь заметно слабее.

Особый случай представляют производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Во-первых, преимущества, которые этот сектор получил от относительного удешевления рабочей силы в 2004–2005 гг., были намного меньше. Во-вторых, в отличие от двух других секторов

---

⁴ Эта тенденция, по-видимому, получила продолжение в 2013 г. По нашим предварительным расчетам, в первые три квартала этого года темпы роста реальной оплаты труда превосходили темпы роста производительности примерно на 4 п.п.

промышленности в 2007–2008 гг. производительность росла здесь не с отставанием по отношению к реальной оплате труда, а, напротив, с заметным опережением. В-третьих, 2012 г. стал для этого сектора годом, когда темпы роста оплаты труда вновь намного превысили в нем темпы роста производительности, чего в добывающих и обрабатывающих производствах, как мы уже упоминали, не наблюдалось.

На рис. 6 представлены оценки разрыва между темпами прироста реальной оплаты труда и темпами прироста производительности за период 2003–2012 гг. для отдельных подсекторов сектора обрабатывающих производств (рассчитаны на основании данных об изменении доли официальной оплаты труда в ВДС). Как мы уже отмечали, динамика производительности отставала от динамики трудовых издержек только в двух «второстепенных» отраслях обрабатывающей промышленности – издательском деле и производстве мебели. Во всех остальных разрыв был в пользу производительности. Так, в производстве нефтепродуктов он достигал почти 80 п.п. (!), в химическом производстве – почти 50 п.п., в текстильном производстве, производстве изделий из кожи и производстве офисного оборудования – 40 п.п., производстве пластмасс, деревообработке и производстве бумажных изделий – почти 30 п.п. В машиностроении рост производительности опережал рост реальной оплаты труда примерно на 20 п.п., в автомобилестроении – на 17 п.п., в пищевой промышленности – на 15 п.п.

В целом полученные нами оценки однозначно свидетельствуют о том, что в российских условиях ни о каком устойчивом лидерстве в «гонке» между показателями производительности и оплаты труда говорить не приходится. Соотношение между траекториями их роста характеризовалось крайней неустойчивостью: в разные годы вперед мог вырываться то один, то другой. Как правило, опережающий рост оплаты труда становился реакцией на ее предшествующее отставание, так что в этом смысле он носил компенсирующий характер. Однако такая компенсация почти никогда не была полной. В результате если сравнивать кумулятивные темпы прироста производительности и реальной оплаты труда за длительные отрезки времени, то у первой они оказываются в среднем выше, чем у второй. Этот результат справедлив как для всей экономики, так и для промышленности, а также для отдельных ее секторов и подсекторов. Никаких признаков безостановочного удорожания рабочей силы, которое подрывало бы конкурентоспособность российских предприятий, наш анализ не выявляет.

Межстрановой контекст

Как представленные выше показатели *rulc* для России выглядят в свете межстрановых сопоставлений? Можно ли их считать, как это нередко утверждается, «аномально низкими»? В табл. 8 приведены данные, дающие представление о том, как оценки по России соотносятся с аналогичными оценками для стран – членов ОЭСР. Данные об относительной величине фонда оплаты труда приводятся в ней в двух альтернативных вариантах – по отношению к ВВП в рыночных и по отношению к ВВП в основных ценах.

Из этих оценок видно, что место России в межстрановом рейтинге будет сильно смещаться вверх или вниз в зависимости от того, как мы интерпретируем скрытые выплаты, величину которых Росстат определяет расчетным методом и затем суммирует с величиной официальной оплаты наемных работников. Если мы принимаем эти оценки, то тогда Россия попадает примерно в середину списка экономически развитых стран. Доля оплаты труда в ВВП оказывается у нее выше, чем в Польше, Словакии, Норвегии или Южной Корее, и примерно такой же, как в Венгрии, Финляндии, Испании или Австрии. Если от оценок, рассчитанных по отношению к ВВП в рыночных ценах, перейти к оценкам, рассчитанным по отношению к ВВП в основных ценах, Россия поднимается еще на несколько ступеней вверх. В этом случае доля оплаты труда в ВВП оказывается в ней такой же, как в Германии. Ранг России повышается еще сильнее, если вместо данных за 2007 г. использовать для нее данные, относящиеся к 2012 г.

Таким образом, если мы оперируем показателями общей доли оплаты труда, ничего «аномально» низкого для России обнаружить не удастся. С точки зрения структуры распределения первичных доходов она выглядит как «нормальная» страна со средней по мировым стандартам долей компенсации труда в ВВП.

Однако ситуация становится иной, если в случае России учитывать только официальную оплату с исключением скрытых выплат (эти оценки приводятся в табл. 8 в скобках). При использовании этих данных она скатывается в нижнюю часть списка. Только в двух странах – Мексике и Чили – показатель *rulc* оказывается ниже, чем у нее. Но даже тогда ситуация в России остается почти не отличимой от ситуации в таких среднеразвитых странах как Греция, Словакия или Польша. Получается, что даже без учета скрытых выплат результаты для России не выглядят

с точки зрения межстрановых сопоставлений уникально низкими (насколько нам известно, никаких дискуссий о «заниженной» доле оплаты труда в ВВП в перечисленных странах никогда не велось). К этому стоит добавить, что масштаб корректировок на ненаблюдаемую экономику, которые производят национальные статистические службы, чаще всего ими не раскрывается, и мы не знаем, как изменилось бы место России, если бы в нашем распоряжении были оценки по другим странам, учитывающие только официальную оплату труда.

Таким образом, если у российской структуры распределения первичных доходов и есть какая-то специфика, то связана она не столько с низкой общей долей оплаты труда в ВВП, сколько с высокой долей скрытых выплат.

Межстрановая вариация в уровнях удельных трудовых издержек может порождаться различиями в отраслевой структуре национальных экономик, если в одних шире представлены более трудоемкие, а в других – менее трудоемкие виды экономической деятельности. С этой точки зрения более информативными выглядят показатели, рассчитываемые для отдельных секторов. В табл. 9 приведены данные о доле оплаты труда в ВДС промышленности, а также обрабатывающих производств для различных стран мира. Оценки по России лежат в нижней части распределения, однако опять-таки нельзя сказать, что они уникальны. Российские показатели (около 40% для всей промышленности и свыше 50% для обрабатывающих производств) располагаются примерно в той же зоне значений, которые характерны для большей части постсоциалистических стран.

О том же свидетельствуют дезагрегированные данные, относящиеся к отдельным видам экономической деятельности внутри сектора обрабатывающих производств (табл. 10). В подавляющем большинстве случаев (но все же не всегда) оценки для России оказываются ниже усредненных оценок для стран ОЭСР. Они, как правило, значительно уступают показателям по развитым странам (достаточно, например, сравнить Россию и Германию); заметно превышают показатели по такой развивающейся стране как Мексика; но при этом чаще всего не слишком сильно отличаются от показателей, которые типичны для других постсоциалистических стран. Для того уровня экономического развития, на котором находится Россия, демонстрируемые ею показатели доли оплаты труда в ВДС отдельных подсекторов обрабатывающей промышленности выглядят, как правило, вполне ожидаемо.

Представленный анализ подтверждает выводы, сделанные в нашем предыдущем исследовании. Расхожее представление об опережающем росте оплаты труда по отношению к росту производительности имеет мало общего с реалиями современной российской экономики. Никакого фиксированного соотношения здесь не просматривается, циклы относительного удешевления рабочей силы чередуются с циклами ее относительного удорожания.

Преобладающей все же следует признать тенденцию к снижению удельных трудовых издержек. В промышленности она была выражена намного сильнее, чем во всей экономике, что можно связать с существованием обширного общественного сектора, где выпуск фактически измеряется по затратам и где поэтому доля оплаты труда в ВДС оказывается чрезвычайно высокой. Все указывает на то, что в большей части торгуемых секторов российской экономики ситуация с точки зрения относительных издержек на рабочую силу в рассматриваемый период не ухудшалась, как это обычно утверждается, а улучшалась, что, несомненно, способствовало поддержанию их конкурентоспособности.

Конечно, это не значит, что такое удешевление рабочей силы (в относительном выражении) происходило во всех сегментах российской промышленности. На более дезагрегированном уровне мы обнаруживаем небольшое число отраслей, где ситуация складывалась иначе. Однако не они определяли общую картину. В целом можно говорить о внушительной экономии на трудовых издержках, которую российским промышленным предприятиям удалось получить в период 1997–2012 гг. за счет опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом его оплаты. Эта экономия позволяла им частично или полностью компенсировать нарастание иных видов издержек.

Столь сильные краткосрочные колебания в показателе *rulc*, какие наблюдаются в России, – крайне редкое явление, практически не встречающееся в других странах. Обычно он демонстрирует значительную устойчивость и колеблется в очень узком диапазоне. Одна из главных причин столь высокой волатильности связана, по-видимому, с экспортной зависимостью российской экономики. Когда мировые цены на товары российского экспорта устремлялись резко вверх, доля оплаты труда как во всей экономике, так и в отдельных секторах проваливалась; когда они устремлялись резко вниз, она, наоборот, начинала «разбухать». Происходило так потому, что изменения в уровне оплаты труда «не успевали» за изменениями мировых, а вслед за ними и внутренних цен.

Эскалацию заработной платы принято рассматривать как один из важнейших потенциальных источников инфляции (так называемой «инфляции издержек»)⁵. В рамках этого механизма движению заработной платы отводится роль причины, тогда как движению цен – роль следствия. Однако в российских условиях, по нашим наблюдениям, причинно-следственная связь строилась обычно иначе: сначала происходил скачок цен на товарных рынках (означавший удешевление рабочей силы с точки зрения предприятий), на который затем с большим или меньшим запозданием реагировала заработная плата. В результате ускоренный рост оплаты труда чаще всего (хотя и не всегда) выступал как компенсация за предшествующий рывок цен.

Что касается долговременных изменений в доле оплаты труда, то за последние десятилетия в подавляющем большинстве стран мира наблюдалась тенденция к ее постепенному сокращению (усредненная оценка – примерно на 6 п.п.)⁶. Как предполагается, главной причиной этого стало относительное снижение цен на инвестиционные блага по сравнению с ценами на потребительские блага в результате компьютерной революции и распространения информационных технологий. Это должно было вызвать уменьшение спроса на услуги труда при увеличении спроса на услуги капитала с соответствующими изменениями вкладов этих факторов в ВВП⁷.

В какой мере этот глобальный тренд затронул российскую экономику, сказать трудно. Во всяком случае до сих пор динамика удельных трудовых издержек определялась в ней не столько технологическими, сколько конъюнктурными факторами. Скорее всего, от тех же конъюнктурных факторов будет зависеть и то, как станет меняться доля оплаты труда в ВВП России в обозримом будущем – будет ли она, как и прежде, оставаться относительно устойчивой или же начнет поступательное движение в сторону понижения или повышения.

---

⁵ См., например: *Strauss J., Wohar M.E.* The Linkage between Prices, Wages, and Labor Productivity: A Panel Study of Manufacturing Industries // *Southern Economic Journal*. 2004. Vol. 70. No. 4. P. 920–941.

⁶ *Estrada Á., Valdeolivas E.* The Fall of the Labour Income Share in Advanced Economies. Occasional Paper Series No. 1209. Madrid: Bank of Spain. 2012; *Karabarbounis L., Neiman B.* The Global Decline of the Labor Share. NBER Working Paper No. 19136. W.: NBER, 2013.

⁷ Впрочем, к некоторым странам это объяснение оказывается неприменимо. Например, в США снижение доли оплаты труда в ВВП было связано с действием иных факторов (см.: *Elsby M.W.L., Hobijn B., Sahin A.* The Decline of the U.S. Labor Share. Paper, prepared for Brookings Panel on Economic Activity, September 19–20, 2013.)

Таблица 1. Доля оплаты труда в ВВП в рыночных ценах, 1997–2012 гг., %

	Общая доля оплаты труда в ВВП	Доля официальной оплаты труда в ВВП (без скрытых выплат)	Доля официальной заработной платы в ВВП (без отчислений в социальные фонды)
1997	51,3	39,8	28,2
1998	48,1	37,8	26,7
1999	40,1	29,2	21,0
2000	40,2	29,1	20,5
2001	43,0	31,9	23,7
2002 (ОКОНХ)	46,6	35,1	25,9
2002 (ОКВЭД)	46,8	35,3	26,0
2003	47,1	35,8	26,8
2004	46,1	34,4	26,0
2005	43,8	32,0	25,4
2006	44,5	31,7	25,4
2007	46,7	33,3	26,9
2008	47,4	34,8	28,2
2009	52,6	37,7	30,4
2010	49,6	35,3	28,9
2011	49,5	35,4	27,6
2012	50,4	36,0	–

* *Источник:* здесь и далее выпуски Росстата РФ «Национальные счета России» за различные годы.

Таблица 2. Доля оплаты труда в ВВП в основных ценах, 1997–2012 гг., %

	Общая доля оплаты труда в ВВП	Доля официальной оплаты труда в ВВП (без скрытых выплат)	Доля официальной заработной платы в ВВП (без отчислений в социальные фонды)
1997	56,5	43,8	31,0
1998	53,0	41,7	29,4
1999	44,7	32,5	23,4
2000	45,4	32,9	23,1
2001	49,0	36,4	27,0
2002 (ОКОНХ)	52,6	39,6	29,3
2002 (ОКВЭД)	52,9	39,9	29,4
2003	53,6	40,7	30,4
2004	52,8	39,4	29,7
2005	51,2	37,4	29,6
2006	52,2	37,1	29,7
2007	54,5	38,9	31,4
2008	55,6	40,8	33,1
2009	60,3	43,2	34,9
2010	57,4	40,9	33,4
2011	58,2	41,6	32,5
2012	59,3	42,3	–

Таблица 3. Доля оплаты труда в ВДС корпоративного сектора российской экономики, 1997–2011 гг., %*

	Общая доля оплаты труда в ВДС корпоративного сектора	Общая доля оплаты труда в ВВП в основных ценах
1997	61,1	56,5
1998	56,2	53,0
1999	47,4	44,7
2000	46,2	45,4
2001	49,9	49,0
2002	56,4	52,9
2003	55,9	53,6
2004	54,6	52,8
2005	52,6	51,2
2006	53,5	52,2
2007	56,0	54,5
2008	56,4	55,6
2009	62,6	60,3
2010	57,1	57,4
2011	58,2	58,2

* Включая некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства.

Таблица 4. Доля оплаты труда в ВДС промышленности, 1997–2012 гг., %

	Общая доля оплаты труда в ВДС	Доля официальной оплаты труда в ВДС (без скрытых выплат)	Доля официальной заработной платы в ВДС (без отчислений в социальные фонды)
1997	46,9	42,2	29,9
1998	43,7	39,6	28,0
1999	35,3	31,0	22,3
2000	36,6	32,3	22,7
2001	44,7	39,9	29,6
2002 (ОКОНХ)	47,1	42,0	30,9
2002 (ОКВЭД)	51,2	46,0	34,0
2003	52,9	48,2	36,0
2004	42,2	38,4	29,0
2005	36,0	31,6	25,0
2006	36,6	31,0	24,8
2007	38,3	32,8	26,4
2008	38,7	32,7	26,5
2009	42,8	35,8	28,9
2010	38,8	32,5	26,5
2011	36,8	30,4	23,7
2012	36,8	30,5	–

Таблица 5. Доля оплаты труда в ВДС добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, производства и распределения, электроэнергии, газа и воды, 2002–2012 гг., %

Годы	Добыча полезных ископаемых			Обрабатывающие производства			Производство и распределение электроэнергии, газа и воды		
	Общая доля оплаты труда в ВДС	Доля официальной оплаты труда в ВДС (без скрытых выплат)	Доля официальной заработной платы в ВДС (без отчислений в социальные фонды)	Общая доля оплаты труда в ВДС	Доля официальной оплаты труда в ВДС (без скрытых выплат)	Доля официальной заработной платы в ВДС (без отчислений в социальные фонды)	Общая доля оплаты труда в ВДС	Доля официальной оплаты труда в ВДС (без скрытых выплат)	Доля официальной заработной платы в ВДС (без отчислений в социальные фонды)
2002	37,5	35,9	26,5	56,8	49,0	36,2	50,3	50,3	37,2
2003	36,8	34,4	25,7	59,7	53,0	39,6	51,9	51,9	38,8
2004	22,6	22,6	17,0	51,8	45,1	34,1	47,4	47,4	35,8
2005	16,6	16,6	13,2	45,0	37,0	29,3	51,8	51,8	41,0
2006	16,5	16,5	13,2	46,1	36,2	28,9	51,9	51,9	41,5
2007	17,2	17,2	13,8	47,6	37,9	30,6	54,9	54,9	44,3
2008	17,3	17,3	14,0	47,6	37,5	30,4	53,1	53,1	43,1
2009	19,1	19,1	15,4	55,7	42,7	34,5	45,5	45,5	36,8
2010	15,7	15,7	12,9	52,1	40,0	32,7	45,1	45,1	36,9
2011	14,4	14,4	11,2	50,3	38,0	29,6	45,3	45,3	35,3
2012	14,3	14,3	–	50,9	38,0	–	48,3	48,3	–

Таблица 6. Доля оплаты труда в ВДС по видам экономической деятельности промышленности, 2003 и 2012 г., %

	Доля официальной оплаты труда в ВДС, 2003 г., %	Доля официальной оплаты труда в ВДС, 2012 г., %	Прирост, процентных пунктов
Добыча каменного угля, бурого угля и торфа	89,5	33,0	-56,5
Добыча сырой нефти и природного газа	27,0	10,5	-16,5
Добыча урановой и ториевой руд	73,0	87,0	14,0
Добыча металлических руд	52,3	24,9	-27,4
Добыча прочих полезных ископаемых	52,8	38,1	-14,7
Производство пищевых продуктов	43,6	36,9	-6,6
Производство табачных изделий	14,2	11,4	-2,8
Текстильное производство	100,7	61,5	-39,2
Производство одежды	63,0	59,5	-3,5
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	80,3	47,3	-33,0
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	59,7	41,2	-18,5
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	50,4	36,3	-14,2
Издательская полиграфическая деятельность	54,0	67,6	13,5
Производство кокса; производство нефтепродуктов	31,4	6,7	-24,7
Химическое производство	57,1	28,7	-28,5
Производство резиновых и пластмассовых изделий	68,3	48,3	-20,0
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	67,8	53,3	-14,5
Металлургическое производство	40,1	35,8	-4,3
Производство готовых металлических изделий	73,8	70,6	-3,1

	Доля официальной оплаты труда в ВДС, 2003 г., %	Доля официальной оплаты труда в ВДС, 2012 г., %	Прирост, процентных пунктов
Производство машин и оборудования	71,6	57,6	-14,0
Производство офисного оборудования и вычислительной техники	73,1	43,7	-29,3
Производство электрических машин и электрооборудования	76,9	66,6	-10,2
Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи	87,8	67,4	-20,4
Производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов	68,7	61,3	-7,5
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	77,8	64,4	-13,4
Производство судов, летательных и космических аппаратов и прочих транспортных средств	71,9	71,4	-0,6
Производство мебели и прочей продукции, не включенной в другие группировки	26,5	48,1	21,6
Прочая продукция обрабатывающих производств	65,9	51,7	-14,2
Производство, передача и распределение электроэнергии	48,5	38,6	-9,9
Производство и распределение газообразного топлива	63,9	54,2	-9,7
Производство, передача и распределение пара и горячей воды (тепловой энергии)	47,3	81,7	34,4
Сбор, очистка и распределение воды	80,9	65,3	-15,6

Таблица 7. Разность между годовыми темпами роста реальной оплаты труда и производительности в российской экономике: альтернативные оценки, 1998–2012 гг., п. п.

	«Корректный» метод с использованием полного набора данных	«Упрощенный» метод с использованием только данных о доле труда в ВВП
1998	-6,3	-6,2
1999	-17,6	-16,6
2000	0,4	0,2
2001	7,3	7,0
2002	8,6	8,8
2003	1,2	0,6
2004	-2,5	-2,1
2005	-5,1	-5,0
2006	1,6	1,6
2007	5,3	4,9
2008	1,6	1,5
2009	10,3	11,0
2010	-5,8	-5,7
2011	-0,2	-0,2
2012	1,9	1,8

Таблица 8. Доля оплаты труда в ВВП России и стран ОЭСР, 2007 г., %

	Доля оплаты труда в ВВП в рыночных ценах	Доля оплаты труда в ВВП в основных ценах
Австралия	48,9	52,9
Австрия	48,0	53,0
Бельгия	50,0	56,1
Великобритания	53,4	59,9
Венгрия	46,8	54,7
Германия	48,9	54,5
Греция	35,1	40,1
Дания	54,8	64,7
Израиль	50,8	55,6
Ирландия	41,8	47,1
Исландия	60,5	72,8
Испания	47,9	53,3
Италия	40,7	45,5
Канада	51,3	54,9
Мексика	28,1	28,7
Нидерланды	49,0	55,2
Новая Зеландия	44,0	45,7
Норвегия	42,8	48,3
Польша	35,5	40,6
Португалия	48,9	56,7
Словакия	36,2	40,2
Словения	49,8	56,7
США	56,3	60,5
Финляндия	47,5	54,4
Франция	51,8	57,8
Чехия	41,3	45,8
Чили	32,4	35,2
Швейцария	58,0	61,4
Швеция	53,7	61,2
Эстония	46,0	52,5
Южная Корея	46,1	51,3
Япония	49,7	50,0
Россия (2007)	46,7 (33,3)*	54,5 (38,9)*
Россия (2012)	50,4 (36,0)*	59,3 (42,3)*

* В скобках приведены оценки без учета скрытой оплаты труда.

Источник: OECD iLibrary. OECD National Accounts Statistics.

Таблица 9. Доля оплаты труда в ВДС промышленности и обрабатывающих производств по странам, 2010 г., %

	Доля оплаты труда в ВДС промышленности	Доля оплаты труда в ВДС обрабатывающих производств
Австралия	37,0	56,8
Австрия	54,1	57,9
Бельгия	63,4	68,8
Великобритания	59,5	72,2
Венгрия	42,8	44,3
Германия	62,2	67,1
Греция	43,8	46,0
Дания	52,0	71,0
Ирландия	25,0	23,5
Исландия	45,2	52,6
Испания	51,2	57,0
Италия	57,5	61,6
Литва	41,3	45,2
Латвия	39,7	41,2
Нидерланды	44,3	58,4
Норвегия	25,9	72,1
Польша	46,0	48,5
Словакия	40,0	45,0
Словения	64,5	68,2
Финляндия	54,1	61,3
Франция	65,6	71,1
Чехия	44,7	51,0
Чили	18,8	32,7
Швеция	50,8	59,5
Эстония	51,4	58,7
Южная Корея	45,6	46,1
Россия (2010)	38,8 (32,5)*	52,1 (40,0)*
Россия (2012)	36,8 (30,5)*	50,9 (38,0)*

* В скобках приведены оценки без учета скрытой оплаты труда.

Источник: United Nations Statistics Division. National Accounts Official Country Data database.

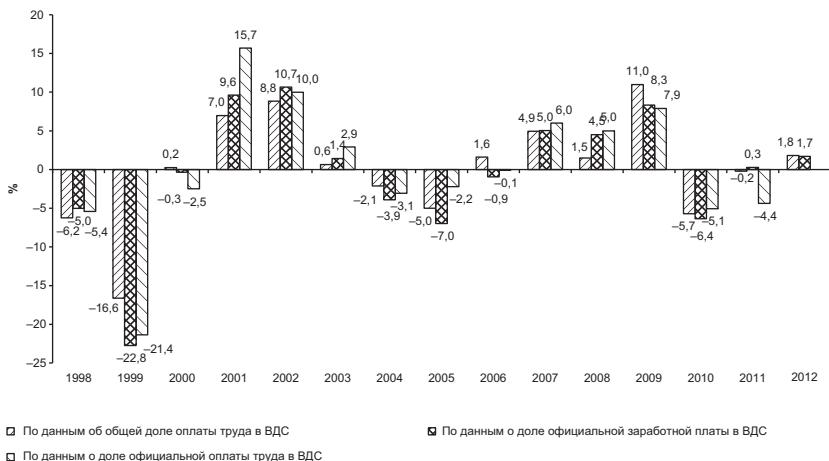
Таблица 10. Доля оплаты труда в ВДС обрабатывающих производств: Россия (2012 г.) и страны ОЭСР (2009 г.), %*

Страны	Виды экономической деятельности																						
	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
Австрия	44,4	82,8	69,1	55,2	70,5	52,8	56,8	64,3	46,3	36,8	66,9	56,9	74,8	72,6	77,8	98,2	63,7	75,5	64,9	73,6	47,6	45,2	37,3
Бельгия (2008)	59,4	41,8	82,5	66,3	61,7	56,0	67,5	61,7	37,9	63,1	69,8	63,5	73,8	70,0	66,8	56,9	77,1	78,4	72,7	82,3	88,6	66,0	43,3
Велико-британия (2007)	73,2	28,6	80,4	77,1	62,2	66,9	72,5	70,1	77,8	54,6	78,2	73,9	75,9	77,6	76,5	61,9	74,0	63,6	63,9	80,9	84,9	—	—
Венгрия	63,0	50,8	79,8	90,2	79,7	67,0	61,1	73,8	14,7	41,2	58,1	56,1	64,4	69,1	61,7	62,4	29,0	41,3	58,3	39,3	71,5	74,9	65,9
Дания (2008)	77,4	22,8	72,9	89,5	81,3	84,9	87,5	84,8	23,8	58,2	77,5	70,0	51,1	76,8	70,1	91,6	75,9	57,4	54,8	92,5	70,8	70,4	69,0
Германия (2008)	68,2	55,7	70,1	65,7	70,0	59,9	64,3	42,4	65,9	56,5	66,3	64,0	55,5	66,8	68,9	69,9	76,4	89,9	63,9	79,9	81,5	67,6	32,0
Греция	50,7	51,0	70,3	53,9	77,7	55,8	79,5	65,4	25,0	70,4	50,4	59,1	65,1	45,8	48,8	44,2	30,0	89,1	43,3	56,0	80,5	51,3	33,6
Ирландия (2007)	—	—	—	—	18,3	60,4	72,2	20,8	—	13,0	64,7	44,6	60,8	50,9	50,0	46,8	53,2	21,8	41,1	52,7	74,6	—	—
Исландия	39,2	—	57,7	59,4	90,2	76,3	52,4	78,6	—	47,5	73,6	89,4	41,8	82,4	66,0	—	77,2	66,0	69,7	86,6	78,4	84,5	57,5
Испания	56,5	19,2	69,4	71,0	68,6	72,4	63,1	61,1	31,7	49,0	71,9	60,4	42,0	68,3	70,2	97,8	69,5	70,1	59,9	86,9	75,1	82,5	40,9
Италия	—	—	64,5	52,6	54,1	58,7	72,8	57,5	90,0	64,6	71,6	74,1	77,1	66,4	73,5	75,9	—	—	72,4	71,8	81,8	—	—
Корея	48,1	31,0	54,7	85,7	86,5	57,0	43,9	60,0	27,7	41,0	50,8	42,0	39,2	59,5	61,1	72,9	54,6	39,1	54,7	—	—	—	—
Мексика	18,7	12,9	36,6	35,7	36,8	31,3	22,7	30,5	30,3	30,8	36,0	22,9	16,1	33,7	37,6	33,9	41,9	48,0	46,0	25,7	29,1	33,6	13,6
Нидерланды	43,6	11,4	67,6	61,4	60,2	64,3	80,4	59,3	38,1	46,9	70,0	57,0	72,7	69,3	78,7	—	76,6	—	70,0	—	77,8	83,0	78,1
Норвегия (2007)	—	—	73,7	55,9	76,1	68,7	72,7	74,8	—	—	68,1	63,3	42,6	71,4	61,2	72,4	68,3	54,6	76,9	87,1	83,5	69,0	52,3
Польша (2007)	48,5	12,9	55,9	71,7	29,9	43,7	38,4	49,4	20,7	41,0	47,7	36,0	41,6	55,3	58,7	69,2	51,2	67,5	49,3	44,7	68,9	54,1	36,2
Словакия	48,8	20,0	73,6	57,3	81,7	28,2	45,3	40,8	47,6	45,8	55,9	50,1	69,8	39,6	72,8	59,4	69,3	40,7	44,0	47,9	70,9	54,9	74,6
Словения	—	—	81,2	89,2	86,9	73,6	57,1	78,3	90,7	50,8	64,9	70,0	92,5	71,5	74,9	84,8	75,1	78,4	71,0	54,2	84,4	79,1	35,9
США (2008)	51,7	12,6	64,1	70,0	86,6	85,5	58,9	61,5	11,4	43,4	68,6	71,3	53,9	67,4	67,3	32,2	60,8	61,5	79,1	79,5	70,1	—	—
Финляндия	58,7	—	73,6	70,3	68,9	85,0	61,0	69,2	33,2	40,8	60,7	72,0	81,6	67,2	75,0	71,4	62,8	69,9	69,3	79,9	88,7	79,5	43,9

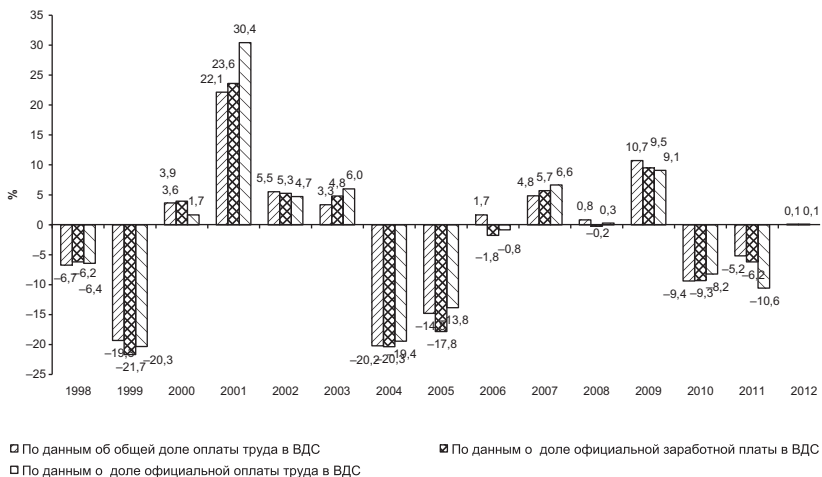
Страны	Виды экономической деятельности																						
	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
Франция (2007)	57,6	25,8	78,0	61,0	69,2	70,8	68,1	74,6	33,6	55,2	73,9	59,8	52,5	74,8	73,4	43,7	82,0	81,7	73,8	75,6	72,8	68,8	38,9
Чехия	43,4	12,7	62,1	56,2	72,7	41,2	52,5	53,5	24,9	46,1	48,1	50,9	66,9	53,3	61,3	35,9	58,3	78,6	64,9	47,7	53,4	54,8	61,9
Швеция	—	—	74,3	52,4	84,7	73,8	59,7	76,6	31,2	36,3	66,8	62,0	52,0	66,2	65,3	68,7	—	—	66,2	—	73,1	105	55,3
Эстония	64,2	—	75,1	84,9	91,7	69,5	76,7	74,0	25,3	42,0	90,7	56,2	57,8	95,0	90,6	78,4	77,5	61,6	85,9	74,4	72,6	77,7	—
Япония (2008)	44,7	9,9	85,1	85,1	84,9	64,1	47,8	57,9	3,8	46,1	77,5	50,4	40,4	81,4	59,6	59,5	77,0	52,6	57,8	55,4	54,3	—	—
Среднее	53,0	29,5	69,7	67,4	70,0	62,7	61,4	61,6	37,8	46,7	65,2	59,0	58,5	66,1	66,7	67,4	64,4	63,1	62,9	68,0	72,4	59,4	42,4
Россия (2012)	36,9	11,4	61,5	59,5	47,3	41,2	36,3	67,6	6,7	28,7	48,3	53,3	35,8	70,6	57,6	43,7	66,6	67,4	61,3	64,4	71,4	48,1	51,7

* 15 – производство пищевых продуктов; 16 – производство табачных изделий; 17 – текстильное производство; 18 – производство одежды; 19 – производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; 20 – обработка древесины и производство изделий из дерева; 21 – производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона; 22 – издательская полиграфическая деятельность; 23 – производство кокса и нефтепродуктов; 24 – химическое производство; 25 – производство резиновых и пластмассовых изделий; 26 – производство прочих неметаллических минеральных продуктов; 27 – металлургическое производство; 28 – производство готовых металлических изделий; 29 – производство машин и оборудования; 30 – производство офисного оборудования; 31 – производство электрических машин и электрооборудования; 32 – производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи; 33 – производство медицинских изделий; 34 – производство автомобилей; 35 – производство судов и прочих транспортных средств; 36 – производство мебели и прочей продукции, не включенной в другие группировки; 37 – прочая продукция обрабатывающих производств.

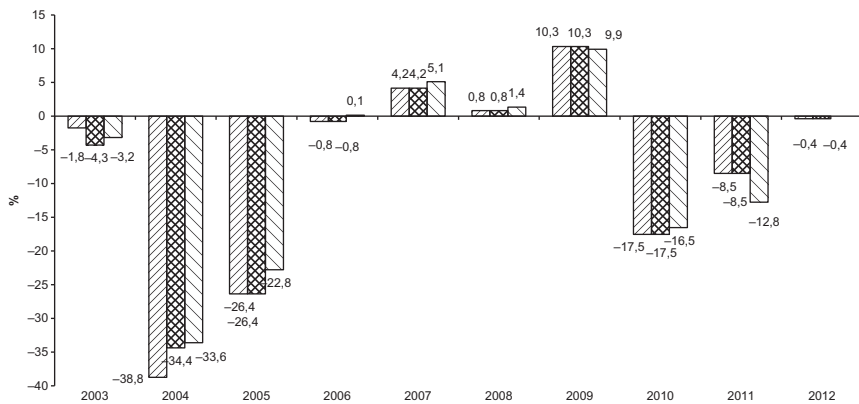
Источник: OECD iLibrary. OECD National Accounts Statistics. STAN Database for Structural Analysis.

Рис. 1. Разность между годовыми темпами роста реальной оплаты труда и производительности в российской экономике, 1998–2012 гг., п.п.

Рис. 2. Разность между годовыми темпами роста реальной оплаты труда и производительности в российской промышленности, 1998–2012 гг., п.п.

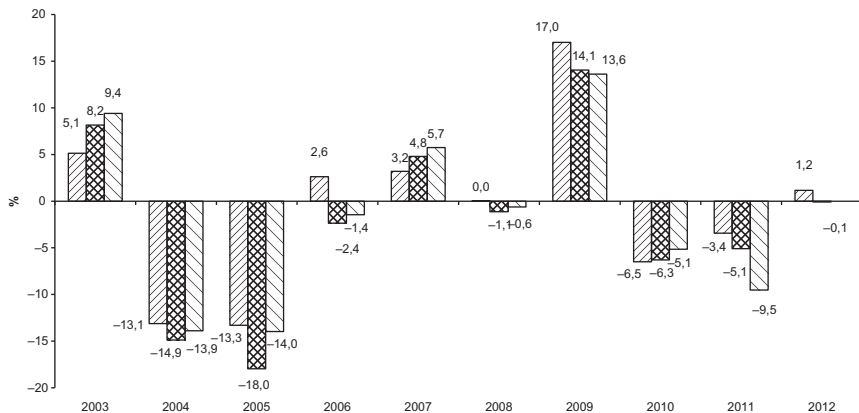

▨ По данным об общей доле оплаты труда в ВДС

▩ По данным о доле официальной заработной платы в ВДС

▧ По данным о доле официальной оплаты труда в ВДС

Рис. 3. Разность между годовыми темпами роста реальной оплаты труда и производительности в добыче полезных ископаемых, 2003–2012 годы, п.п.

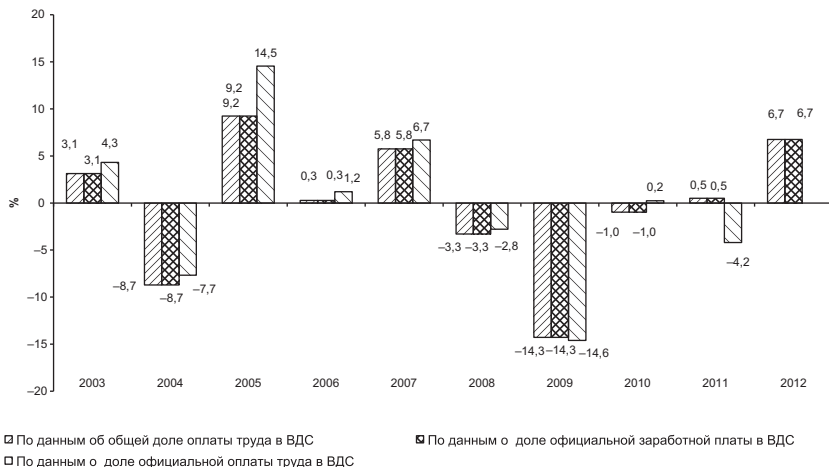

▨ По данным об общей доле оплаты труда в ВДС

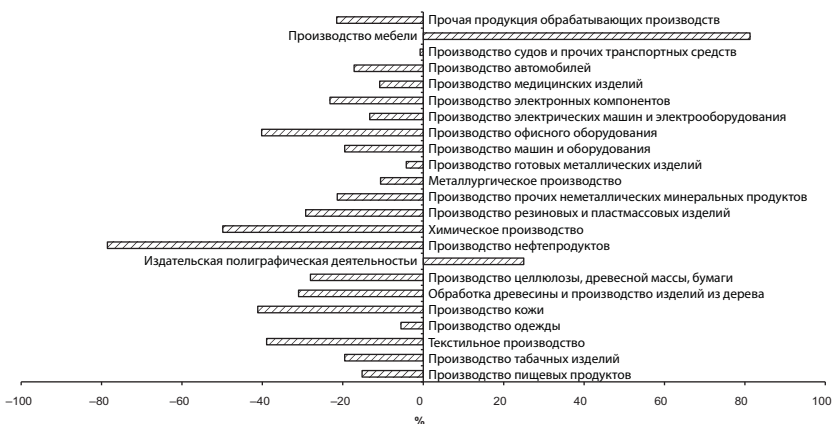
▩ По данным о доле официальной заработной платы в ВДС

▧ По данным о доле официальной оплаты труда в ВДС

Рис. 4. Разность между годовыми темпами роста реальной оплаты труда и производительности в обрабатывающих производствах, 2003–2012 гг., п.п.

Рис. 5. Разность между годовыми темпами роста реальной оплаты труда и производительности в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, 2003–2012 гг., п.п.

Рис. 6. Разность между кумулятивными темпами роста реальной оплаты труда и производительности по подсекторам обрабатывающих производств, 2003–2012 гг., п.п.

Препринт WP3/2014/01
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

**Производительность и оплата труда:
немного простой арифметики**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,5
Усл. печ. л. 2,4. Заказ № . Изд. № 1576

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»